

В очередной том сборника включены статьи по источниковедению отечественной истории, текстологии письменных памятников средневековой и новейшей истории СССР. Специальный раздел посвящен анализу общих и частных вопросов вспомогательных исторических дисциплин. Завершает том раздел, содержащий исследования по древнегреческой эпиграфике и латинской палеографии.

Редакционная коллегия:

А. И. КОПАНЕВ, акад. *Д. С. ЛИХАЧЕВ*,
Н. Е. НОСОВ (отв. редактор),
чл.-кор. АН СССР *В. И. РУТЕНБУРГ*,
М. Б. СВЕРДЛОВ (отв. секретарь),
В. Г. ЧЕРНУХА, чл.-кор. АН СССР *В. Л. ЯНИН*

Г 0503000000-694 9-82. кн. 1
042 (02)-83

© Издательство «Наука», 1983 г.

М. Е. БЫЧКОВА

НЕКОТОРЫЕ ЗАДАЧИ ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Роль вспомогательных исторических дисциплин в современном исследовании, вопросы совершенствования их методики, установление новых связей между различными традиционными дисциплинами — проблемы, неоднократно обсуждавшиеся на страницах научных изданий. Так, В. Л. Янин наиболее четко и последовательно определил изменение роли вспомогательных исторических дисциплин. С одной стороны, они совершенствуют свою исследовательскую методику и создают справочники, необходимые для своего собственного развития, с другой — исследование, посвященное источникам этих дисциплин (монеты, печати, формуляры актов), часто выливается в работу по истории международной торговли, государственного аппарата и др. Автор видит основные перспективы их развития не только в совершенствовании методики исследования, но и в интеграции, в тесной связи параллельных исследований ряда вспомогательных дисциплин.¹

Генеалогия — одна из дисциплин, которая постоянно присутствует в творческой лаборатории историка, но чьи задачи на современном уровне развития науки, основной круг источников, этапы развития давно не были предметом специального исследования. Опубликована лишь первая проба определения задач генеалогии и эволюции ее роли в советской исторической литературе.² Генеалогия, как палеография, дипломатика, нумизматика и некоторые другие дисциплины, родилась в практической деятельности, выз-

¹ Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. М., 1977, с. 5—10, 19—21. См. также: Буганов В. И., Зимин А. А. О некоторых задачах специальных исторических дисциплин в изучении и издании письменных источников по истории русского средневековья. — История СССР, 1980, № 1, с. 117—118; Соболева Н. А. О тенденциях развития специальных исторических дисциплин. — Источниковедение отечественной истории, 1979. М., 1980.

² Бычкова М. Е. Генеалогия в советской исторической литературе. — Вспомогат. истор. дисциплины, VII. Д., 1979. См. также: Аksenov A. И. Генеалогия. — Вопросы истории, 1972, № 10.

1*

3

БИБЛИОТЕКА

ванная потребностью официального оформления места семей и лиц в феодальном обществе; но она дольше, чем другие исторические дисциплины, сохраняет свое практическое значение.

Основное отличие генеалогии от, скажем, нумизматики, сфрагистики, палеографии состоит в том, что практическая генеалогия — история семьи, установление степени родства — может существовать вне исторической науки. Любое целенаправленное коллекционирование рукописей, монет, печатей и других объектов исследования вспомогательных дисциплин невозможно без знания специальной литературы, каталогов, изучения музейных собраний и др. Коллекционер приобщается к специальным работам лишь внося свою лепту в общее развитие науки, расширяя круг источников, уточняя их хронологию. Знание истории своей семьи, своих предков и ближайших родственников может существовать вне исторических исследований, создавая семейную традицию, давая локальное знание исторических событий, в которых принимали участие родственники. Поскольку эти знания в свою очередь могут стать источником исследования, само понятие генеалогии как будто становится расплывчатым. Но эта расплывчатость мнимая; как и другие отрасли истории, генеалогия имеет свои закономерности, вытекающие из закономерностей исторического процесса и из закономерностей исторической науки.

Генеалогия — самая древняя из вспомогательных исторических дисциплин. Если нумизматика, сфрагистика в практической деятельности появляются в обществе, где есть товарообмен и классы, палеография и дипломатика связаны с развитием письменности и работой государственного аппарата, то знание своих предков и истории своей семьи появилось одновременно с человеком. Первые сведения по генеалогии содержатся в этногенетических преданиях. Сведениями о родстве и происхождении семей, преимущественно правящего класса, изобилуют летописи, хроники, саги и другие исторические произведения. Но генеалогия окончательно конституируется в развитом классовом феодальном обществе, когда появляются специальные генеалогические документы, имеющие юридическую силу. Происхождение семьи и служебное положение предков давали права на земельные владения, чин или должность и определяли место в сословной иерархии. Сословность, по определению К. Маркса и Ф. Энгельса, — неотделимая черта феодального общества, когда существуют не классы, а сословия «с определенными и строго ограниченными привилегиями».³ Историческое развитие сословий в классы завершается буржуазной революцией, когда «условием освобождения третьего сословия, буржуазии, было уничтожение всех и всяческих сословий».⁴

Представление о сословности феодального общества позволяет выработать определенный подход и к генеалогическим источникам.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, т. 4, с. 184.

⁴ Там же.

Источники генеалогического исследования практически неограничены, ими может быть любой памятник (письменный, архитектурный, археологический, предметы искусства), содержащий биографические сведения об отдельном лице. Основным моментом генеалогического исследования здесь является отнесение определенного круга фактов к жизни и деятельности этого лица. Часто в процессе такой работы генеалогия смыкается с источниковедением.

Источники генеалогии, создававшиеся в процессе деятельности лиц и учреждений и имевшие юридическую силу, — это поколенные росписи и таблицы, которые устанавливали родственные связи между отдельными членами семьи. В задачи научной дисциплины генеалогии входит исследование истории создания ее источников, проверка достоверности их сведений. Кроме этого, генеалогия создает свои справочники о жизни и деятельности лиц и семей, используя весь доступный объем исторических источников. Такие справочники являются надежным фундаментом различных исследований по социально-экономической и социально-политической тематике, а также сами могут перерасти в подобные исследования.

Различия между практической и научной генеалогией принципиальны. Научная генеалогия всегда подчинена задачам исторического исследования, практическая — юридически оформляет степень родства между определенным кругом лиц, определяя их положение в структуре общества.

Между Государевым родословцем 1555 г. и «Русской родословной книгой» П. В. Долгорукого (1841 г.) как генеалогическими справочниками нет принципиальной разницы. Оба они создавались как документ, где зафиксированы родственные связи между членами различных семей. Их различие не в назначении, а в разных уровнях развития общества XVI и XIX вв. Именно этим обусловлены и отбор семей, и проверка достоверности сведений о родстве, и отбор биографических сведений, и способ размножения книги. А уже в книге Н. П. Лихачева «Разрядные дьяки XVI в.» изучение истории создания основных источников русской генеалогии органически входит в исследование деятельности одного из ведущих государственных учреждений России. Именно здесь генеалогия как вспомогательная историческая дисциплина начинает раскрывать свои возможности.

Методика составления родословных таблиц в России научно не разрабатывалась. Основным источником русской генеалогии являются росписи нисходящего родства: в них записываются все потомки какого-либо лица, как правило, только по мужской линии. Росписи восходящего родства, где записаны все предки какого-либо лица, русской генеалогии также практически неизвестны.

В родословных росписях можно выделить два элемента — так называемую легенду о происхождении семьи, где записан ее родоначальник, и поколенную роспись.

Поколенная роспись — это перечень всех членов семьи с указанием степени родства, в своей древней части она иногда баснословна, форма росписи в русских источниках существенно не менялась в течение столетий, в каком бы виде эти документы не существовали (как приписки к летописным сводам, самостоятельно, объединенные в родословные книги). Поколенная роспись имеет практическое значение при установлении степени родства как внутри членов одной семьи, так и между разными семьями, если известны их родственные связи.

Родословные росписи чаще привлекают историков, так как именно они содержат основную массу сведений, часто уникальных.

Родословные легенды исследуют гораздо реже, в основном с точки зрения достоверности происхождения родоначальника. Представляется, что их значение более глубокое. Родословие наряду с документами, где оформлялось служебное положение семьи в иерархии феодального общества (например, в России — dokonчальные и жалованные грамоты, разряды и т. п.), закрепляло сословное происхождение рода, право его членов занимать определенное положение. Именно родословная легенда фиксировала происхождение из княжеской семьи, древность службы великим князьям и положение предков при их дворах. Причем, оставаясь в рамках семейных преданий, эти факты не имели юридической силы, а официально зафиксированные ставили потомков на определенную ступень сословной лестницы, предоставляя им соответствующие права и привилегии.

Правительство периодически было вынуждено дополнять и редактировать родословные документы, что давало возможность семьям, выдвинувшимся на службе после предшествующего редактирования, официально закрепить уже совершившиеся изменения сословной принадлежности.

На определенном уровне развития феодального общества создавалось официальное учреждение, которое занималось сбором, проверкой и утверждением родословных документов. Деятельность таких учреждений и лиц в разных странах была схожей.

В России первоначально родословиями занимался Разрядный приказ, основной функцией которого были вопросы службы дворян, этого, по выражению Ф. Энгельса, «по преимуществу военного класса».⁵ Это еще раз говорит о тесной связи «службы» и «происхождения» в период феодализма. В Разрядном приказе был составлен Государев родословец 1555 г. и другие родословные книги.⁶ В 1682 г. при Разрядном приказе было создано специальное учреждение — Палата родословных дел, которая занималась сбором и проверкой родословных документов. Продукт ее дея-

⁵ Там же, т. 7, с. 394.

⁶ Бычкова М. Е. Родословные книги XVI—XVII вв. как исторический источник. М., 1975.

тельности — Бархатная книга, имеющая в основе тот же Государев родословец.⁷

О значении, которое придавалось родословным росписям, говорит состав лиц, занимавшихся ими. Государев родословец был составлен, как доказал Н. П. Лихачев, разрядным дьяком Е. Цыплатевым, одним из крупнейших государственных деятелей середины XVI в.⁸ В XVII в. разработкой указов о составлении родословной книги занимался среди других Ф. Шакловитый. Справки о проверке документов о происхождении в Посольском приказе подписывал думный дьяк Е. И. Украинцев, спорные вопросы решали бояре В. Д. Долгорукий и В. В. Голицын. Бархатную книгу подписали три думных дьяка — Е. И. Украинцев, В. Г. Семенов и Д. Т. Полянский. Такое оформление, скрепленное высокопоставленными должностными лицами, имело в прямом смысле слова вечное значение. Адашевы попали в Государев родословец 1555 г., куда записаны в основном потомки первых великих князей Рюрика и Гедимины и старомосковских бояр, так как влияние А. Ф. Адашева при великокняжеском дворе в середине XVI в. было необыкновенно велико. Роспись Адашевых осталась и в Бархатной книге, когда этого рода уже не существовало, как символ сословной принадлежности.

С начала XVIII в. до 1917 г. при Правительствующем сенате была Герольдмейстерская контора, затем Департамент герольдии, высший арбитр споров о происхождении семей, в ее архиве были сосредоточены документы о происхождении русского дворянства.

В Англии XIV в. в судах при спорах об имуществе росписи еще не привлекаются в качестве документальных свидетельств. Одним из первых толчков к их составлению была война Алой и Белой розы. С 20-х гг. XVI в. — времени правления Генриха VIII — до последней четверти XVII в. — правления Карла II — здесь велись так называемые «книги посещений» герольдов. Посланные по заданию короля, герольды объезжали графства, смотрели гербы и вели родословные записи. Составленные ими росписи в основном опирались на семейные предания, но во время этих посещений проверялись фамильные документы, надписи на гробницах и т. д. Записи герольдов имели юридическую силу. В XVII в. росписи регистрировались в герольдии. Кроме того, генеалогическую работу вели антиквары, это была частная инициатива, росписи отдельных родов часто заносились в истории различных графств.⁹

Во Франции первые шаги генеалогии также были связаны с вопросами наследования и историей правящего дома. В 1595 г. здесь была юридически оформлена должность генеалога, а в 1615 г. — Суд о гербах Франции.¹⁰ В этих учреждениях про-

⁷ Бычкова М. И. Из истории создания росписей конца XVII в. и Бархатной книги. — Вспомогат. истор. дисциплины, XII. Л., 1981.

⁸ Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI в. СПб., 1888, с. 353, 414—416.

⁹ Genealogy. — Encyclopædia Britannica, 1963, v. 10.

¹⁰ Dugue P. La généalogie. Paris, 1971, p. 15—16.

верялись и утверждались родословные документы. Именно здесь сформировались основные источники по французской генеалогии. Обе должности — генеалога и судьи — долгое время сохранялись за членами одной семьи.

Но и во Франции с середины XVI в. развивалась частная инициатива в написании королевской и различных знатных семей генеалогий. Она особенно процветает в XVII в., когда появляются работы, показывающие родство между правящими домами стран Европы или излагающие историю дворянских родов отдельных провинций.¹¹ В это же время появляется интерес к теоретической генеалогии, разрабатываются принципы начертания родословных таблиц и составления поколенных росписей. Одна из этих систем, разработанная испанцем Жеромом Соса, в усовершенствованном виде существует до наших дней.¹²

XVIII век, наоборот, привел к упадку генеалогических исследований.¹³ Возможно, это вызвано тем, что генеалогия всегда обслуживала интересы дворянства, что создавало однообразие тем исследований. В эпоху Французской революции, которая «уничтожила сословия вместе с их привилегиями»,¹⁴ такие работы теряли свое значение.

В это же время в Германии зарождается интерес к теоретическим основам генеалогии, что можно признать за зарождение научной генеалогии. В 1721 г. организуется первая кафедра генеалогии в университете Вены, в 50-е гг. выходит учебник генеалогии, а в Геттингенском университете читается курс лекций; генеалогия ставится в один ряд с такими дисциплинами, как палеография, дипломатика, хронология, сфрагистика.¹⁵

В Польше составление первых генеалогических справочников — гербовников — также относится к концу XVI в. В отличие от других стран здесь генеалогия более тесно связана с геральдикой; сами работы являются авторскими исследованиями, а не продуктом деятельности должностных лиц.¹⁶ Это отразилось и в отборе фамилий (так, один из авторов — иезуит К. Несецкий — широко использовал материалы семейных архивов и документы ордена иезуитов, но обошел молчанием историю некатолических семей),¹⁷ и на оформлении самих работ, в которых история происхождения семей часто наполнена вымышленными фактами, иногда фальшиво использованными записями польских хроник.¹⁸ Но там, где описываются события, современные авторам гербовников, их книги являются важным и достоверным источником.

¹¹ Ibid., p. 12—14; Dworzaczek W. Genealogia. Warszawa, 1959, s. 98—99.

¹² Durye P. La généalogie, p. 62—65.

¹³ Ibid., p. 18—20; Dworzaczek W. Genealogia, s. 100—101.

¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, т. 4, с. 184.

¹⁵ Dworzaczek W. Genealogia, s. 101.

¹⁶ Ibid., s. 109—114.

¹⁷ Ibid., s. 112.

¹⁸ Ibid., s. 109—110.

Некоторые из этих работ (гербовники Б. Папроцкого и Ш. Окольского) использовались наряду с польскими хрониками в Посольском приказе при составлении в XVII в. справок о происхождении дворянских семей.

И наконец, окончательное рождение генеалогии как вспомогательной исторической дисциплины связано с именем профессора Венского университета О. Форст Баттаглия. Его первая книга по теории генеалогии была опубликована в 1913 г.,¹⁹ в 40-е гг. он сформулировал принципы критики источников генеалогии, методики работы с ними, задачи генеалогии как вспомогательной исторической дисциплины.²⁰ Его наблюдения легли в основу всех позднейших работ по генеалогии.

В исторической литературе последних десятилетий различных стран все чаще ставится вопрос о значении генеалогии как вспомогательной исторической дисциплины в историческом исследовании.²¹ Неоднократно возвращались к нему французские исследователи. Современная генеалогия в их работах признается вспомогательной наукой многочисленных гуманитарных наук и собственно наукой об истории возникновения и развития индивидуумов, объединенных в семьи.²² В основном задачи генеалогии определяются в двух направлениях. Первое — совершенствование методики исследования (расширение круга источников, более обоснованный отбор фактов о деятельности лиц). В частности, большое внимание отводится выявлению родства по женской линии. В практической генеалогии, когда при назначении на службу учитывалось родство только по мужской линии, в этом не было необходимости; для научной генеалогии важно как можно подробнее установить родство между различными семьями. Совершенствование методов составления таблиц, росписей, карточек на отдельных лиц вызвано распространением машинных методов обработки материалов.²³ Второе направление — это связь генеалогии с различными аспектами исторического исследования. Здесь принципиально новым является установление взаимовлияния генеалогии и демографии. Сами демографические исследования появились в исторической науке сравнительно недавно, и важность генеалогического метода для них несомненна. Машинная обработка материалов демографии привела к усовершенствованию генеалогических таблиц. Это обогатило обе дисциплины.²⁴

Все чаще признается ведущая роль генеалогических исследований при разработке истории государственных учреждений сред-

¹⁹ Ibid., s. 103—104.

²⁰ Forst de Battaglia O. Wissenschaftliche Genealogie. Bern, 1948.

²¹ Медушевская О. М. Историческая наука и генеалогия. — Вопросы истории, 1970, № 2, с. 187.

²² Dugue P. La généalogie, p. 37.

²³ См. подробнее: Соболева Н. А. Некоторые аспекты методики генеалогических исследований в современной французской литературе. — В кн.: История и генеалогия. М., 1977.

²⁴ Meurgeu de Tupigny J. Généalogie. — In: L'histoire et ses méthodes. Paris, 1961, p. 724—737.

невековья, когда должности при дворе, трансформировавшиеся позднее в аппарат государственной власти, были наследственными в кругу определенных семей, иногда вырастали из придворных, также наследственных функций.²⁵

В этом принципиальное отличие научной и практической генеалогии. Для историка генеалогия — это техника обработки документа, предполагающая дальнейшее исследование; для генеалогии — это самоцель.²⁶

Наибольшее место в исследованиях о цели и задачах генеалогии отводится определению круга ее источников, их анализу, показу, в какой обстановке и для каких нужд они составлялись. Однако, поднимая вопрос о расширении круга источников для генеалогии, французские авторы, в частности М. Перроне, не конкретизируют вопрос об их объективности.²⁷

Как видно, задачи, которые ставятся перед современной генеалогией в связи с историческим исследованием, исходят из того, что ее основной источник, сформировавшийся на протяжении нескольких веков, дает схему родства лиц.

Именно это качество используется в работах по социальной истории, демографии, истории землевладения и государственных учреждений. Все эти проблемы традиционно связаны с работами практической генеалогии, которая основное внимание уделяла проверке степени родства между отдельными лицами.

Большое значение генеалогии в исследовании истории крестьянства и новые перспективы, какие дает такая работа, были сразу признаны в советской исторической литературе. Об этом говорил в своих лекциях в 1939 г. С. Б. Веселовский. Тогда же вышла первая работа, посвященная генеалогии крестьянской семьи.²⁸

Существенные сдвиги произошли в последние десятилетия. Историки, занимавшиеся генеалогией крестьянских семей, выявили два основных комплекса источников, позволяющих реконструировать их состав и родственные связи — это частные акты на определенные земельные угодья, писцовые и переписные книги. Наличие в наше время собственно архивов крестьянских семей — явление чрезвычайно редкое. Такие комплексы документов иногда восходят к середине XVI в., а чаще охватывают XVII—XVIII вв.²⁹ и имеют ограниченную территорию — Север Европей-

²⁵ Гейштор А. Заметки о центральном управлении в славянских государствах в IX—XI вв. — В кн.: Становление раннефеодальных славянских государств. Киев, 1972.

²⁶ Perronet M. *Généalogie et histoire; approches méthodiques*. — *Revue historique*, 1968, t. 239, p. 113.

²⁷ См. подробнее: Медушевская О. М. Историческая наука и генеалогия, с. 183.

²⁸ Введенский А. А. Крестьяне Строгановы в XVI—XIX вв. — Труды Тбилисск. гос. ун-та, 1939, т. X.

²⁹ Воскобойникова Н. П. Родовой архив крестьянской семьи Артемьевых—Хлызовых. — Археограф. ежегодник за 1966 г., М., 1968; Амосов А. А. Крестьянский архив XVI столетия. — Археограф. ежегодник за 1973 г., М., 1974.

ской части России, Поморье, Предуралье, районы, где преобладало чернослошное землевладение и где длительное время сохранялась собственность крестьян на землю.

Методика работы с частными актами с целью составить родословие крестьянской семьи подробно изложена в работе А. А. Амосова.³⁰ Эта методика тесно связана с методикой реконструкции дворянских родословий по актам, в тех случаях, когда нет поколенных росписей (работы А. А. Зимина по исследованию происхождения И. С. Пересветова; С. Б. Веселовского — по исследованию Басенковых, Кучецких и В. Л. Янина — о новгородских боярских семьях).

В ряде работ по истории феодального землевладения реконструированы архивы около полутора десятков крестьянских семей. Наиболее ценны в этом плане работы А. А. Преображенского. Под архивами в данном случае подразумеваются от 2—3 до нескольких десятков актов, относящихся к одной семье и сохранившихся как в составе единого комплекса, так и в различных архивных фондах. В зависимости от числа и хронологических рамок этих документов они могут давать широкий горизонтальный срез семьи. Таковы акты (3) семьи Шуковых (40—50-е гг. XVII в.), Салегиных (40—60-е гг. XVII в.) и некоторых других.³¹

Документы некоторых семей охватывают период до 120—150 лет. Таков реконструированный А. А. Преображенским семейный архив крестьян Артемьевых, сохранившийся до нашего времени в руках крестьянской семьи, родовой архив Артемьевых—Хлызовых, документы крестьянской ветви Строгановых и некоторые другие.

Для всех этих архивов характерна одна черта: они относятся к верхушке крестьянства, втянутой в торговлю земельными участками, иногда солеварение, иногда участвующей в волостном управлении (Хлызовы). Многие из них позднее перешли в купеческое сословие. А. А. Преображенский особо отмечал, что еще в конце прошлого века отдельные купеческие семьи стремились создать свои архивы, собирая ранние документы, говорящие об их происхождении из крестьян.³²

История двинских «лучших мужей» ярко представлена в исследовании Н. Е. Носова.³³ Автор показывает сложный процесс

³⁰ Амосов А. А. Частный акт — источник генеалогических изысканий (к проблеме реконструкции крестьянских архивов). — В кн.: Проблемы социально-экономической и политической истории СССР. Научная конференция молодых ученых. Тезисы докладов. М., 1975.

³¹ Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI—начале XVIII века. М., 1972, с. 192—210.

³² Там же, с. 193—194.

³³ Носов Н. Е. Опыт генеалогических изысканий по истории зарождения крестьянских торгово-промышленных капиталов в России. («Лучшие люди» и «Торговые мужики» двинских актов XVI в.). — Вспомогат. истор. дисциплины, I. Л., 1968.

эволюции богатого крестьянского хозяйства Подвинья в XVI—XVII вв., где в то время практически отсутствовала феодальная вотчина, на примере семьи Амосовых, бывших новгородских бояр, «окрестьянившихся» после присоединения Новгорода к Москве в 1478 г. и к концу XVI в. в результате своей торгово-экономической деятельности перешедших в купеческое сословие.

Генеалогия двинских крестьянских семей прослежена и в работе Н. Н. Покровского, но А. И. Копанев на основе генеалогического исследования показал, что ряд семей (Амосовы, Шуйгины и др.), которых раньше авторы относили к крестьянским, являются боярскими, представляют собой измельчавшие и обедневшие ветви новгородского боярства.³⁴

В этих работах, которые различают и хронологические рамки, и отчасти географические районы, определяется общая тенденция генеалогического изучения крестьянской семьи. Прежде всего это верхушка класса, имевшая возможность перейти в число «гостей». Именно такие семьи вели активную экономическую деятельность: скупали земельные участки, занимались промыслами, участвовали в государственных мероприятиях по освоению новых земель.³⁵ Сохранившиеся акты материалы позволяют изучать не просто историю крестьянских семей, а историю «лучших мужей». Вторая особенность — то, что исследование ограничивается изучением экономических процессов в деревне, расслоения крестьянской общины. Практически история каждой крестьянской семьи имеет замкнутый характер и мало соприкасается с историей соседних семей. Крестьянская генеалогия XVI—XVII вв. — это яркие пятна на фоне общих экономических процессов русской деревни.

Большие возможности в изучении генеалогии крестьянской семьи последней четверти XVII—первой четверти XVIII в. дают переписные книги. Е. Н. Бакланова, исследовавшая их,³⁶ показала, что в книгах точно определено родство между членами семьи, живущими в одном дворе. Большой интерес представляет замечание автора о том, что сравнение показаний этих источников за разный период приводит к выводу, что в одном и том же дворе длительное время жили одни и те же лица или их потомки. Сведения книг настолько подробны, что дают возможность точно установить степень родства и свойства между отдельными лицами из одного двора.

Работа Е. Н. Баклановой показала значение переписных книг для истории крестьянских семей, но автор в силу специфики своей работы дала статистическую, а не генеалогическую обработку этих материалов.

³⁴ Копанев А. И. Крестьянство Русского Севера в XVI в. Л., 1978, с. 71—110.

³⁵ Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь... с. 199—210.

³⁶ Бакланова Е. Н. Крестьянский двор и община на Русском Севере. Конец XVII—начало XVIII в. М., 1976.

Гораздо меньше внимания уделяется изучению родословных легенд, методике их обработки, а, как уже отмечалось, именно в легенду о происхождении родоначальника вкладывалась идея сословной принадлежности семьи. Легенда, как правило, восходит не только к семейным традициям, но и к традициям общественных идей того времени, когда ее юридически оформляли. Это позволяет изучать родословия как памятники общественной мысли своего времени.³⁷

Дореволюционная научная генеалогия, как правило, выборочно изучала родословные легенды отдельных семей; проверялись содержащиеся в них факты, древние грамоты, поданные вместе с росписями. Основная критика падала именно на грамоты; методами дипломатики устанавливалась их подлинность или подложность. В окончательных выводах о происхождении родоначальника историки проявляли большую сдержанность. Очевидно, в классовом обществе и научная генеалогия связана с интересами правящего класса.

В советской историографии, наоборот, родословные легенды правящих домов XVI в. стали изучаться как литературно-публицистические произведения, но при этом недоучитывался тот момент, что они создавались как генеалогические произведения и в этом качестве подчинялись традициям генеалогии своего времени.

Прежде всего здесь надо назвать работу Р. П. Дмитриевой, которая выявила, исследовала и опубликовала Сказание о князьях владимирских и связанные с ним произведения.³⁸ Ее работа — наиболее совершенное исследование легенд русских и литовских великих князей.

В области генеалогии Р. П. Дмитриева выделяет два аспекта: прослеживает, как эти произведения отразились в более поздних генеалогических памятниках (Государеве родословце, родословных статьях Воскресенской летописи), и проводит конкретно-генеалогические наблюдения над изучаемым текстом. Сама по себе такая постановка вопроса очень плодотворна.

При конкретно-генеалогическом анализе такого рода источников важно выяснить и разграничить два момента: 1) что мог знать автор родословий (общий круг доступных ему источников), что и как из своих знаний он использовал (это покажет цель его произведения); 2) что мы знаем об упоминаемых в произведении лицах и событиях.

Большинство генеалогических наблюдений Р. П. Дмитриевой относится к родословию литовских князей, разные редакции которого помещены после Сказания о князьях владимирских и Послания Спиридона-Саввы. Автор очень точно уловила связь между этими двумя памятниками, доказав, что «родословие литов-

³⁷ См. подробнее: Бычкова М. Е. Генеалогия в советской исторической литературе, с. 51—54.

³⁸ Дмитриева Р. П. Сказание о князьях владимирских. М.—Л., 1955.

ских князей как бы противопоставляется родословию князей русских и оба вместе в своем противопоставлении служат возвышению великокняжеской власти на Руси». ³⁹ Но перейдя к конкретному анализу генеалогических известий, она допустила неточности.

Родословие литовских князей начинается с прихода на Русь татар, после чего смоленский князь Витень бежит в Литву. Родоначальником литовских великих князей становится его преемник Гедимин. Р. П. Дмитриева считает, что Витень в редакциях родословия назван вассалом смоленского князя и соответственно Гедимин выступает как раб вассала смоленского князя; все это создавало четкую направленность легенды, выработанную еще хронистами Тевтонского ордена. Но Витень назван здесь не вассалом, а одним из смоленских князей. Разные редакции родословия дают ему различные определения. ⁴⁰ Дело текстолога восстановить первоначальный текст, но смысл легенды — показать не безродность Витеня, а его происхождение от смоленских князей Рюриковичей. Связь же Витеня с родом смоленских князей должна была служить интересам русского правительства. В дальнейшем, создавая новую редакцию родословной легенды литовских князей для Воскресенской летописи и Государева родословца, авторы доказывали их прямое происхождение от полоцких Рюриковичей.

В родословной легенде литовских великих князей выдержана четкая хронологическая канва, описанные в ней события привязаны к конкретным датам и в значительной степени сопоставимы с летописным текстом. Все ее редакции начинаются с опустошительного татарского прихода, который, по Чудовской повести, произошел в 6801 (1293) г., а по Сказанию — в 6830 (1322) г. Р. П. Дмитриева пишет, что 6801 г. «является годом смерти литовского князя Путовера и годом вокняжения Витеня, упоминанием о котором начинается родословие в Чудовском списке». ⁴¹ Установление родственных отношений между Путовером (Пуковером) и Витенем принадлежит современным исследователям. ⁴² Русские летописи и родословия об этом не пишут; составители родословной, говоря о преемственности, как уже отмечалось, смоленских и литовских князей, не знают литовских предков Витеня.

³⁹ Там же, с. 87; см. также: Дмитриева Р. П. О текстологической зависимости между разными видами рассказа о потомках Августа и о дарах Мономаха. — ТОДРЛ, 1976, т. 30, с. 217—218.

⁴⁰ Дмитриева Р. П. 1) Сказание..., с. 88, 179, 201, 211; 2) О некоторых источниках «Послания» Спиридона-Саввы. — ТОДРЛ, 1957, т. 13, с. 440. — Здесь же Витень назван «мелким вассалом» смоленского князя.

⁴¹ Дмитриева Р. П. 1) Сказание..., с. 101; 2) О текстологической зависимости..., с. 225—226.

⁴² В. Т. Пашуто (Образование Литовского государства. М., 1959, с. 389, 493) относит княжение братьев Путовера-Будивида и Букидида примерно к 1239—1294 гг.

Если же попытаться объяснить появление 6801 г. из русских источников, которые могли быть доступны автору родословия, то под этим годом во всех летописях записан приход Дюденовой рати, одного из самых опустошительных набегов татар на Русь.⁴³ В таком случае начальная дата не только раскрывает смысл родословной легенды, так как, согласно ей, Витень бежал в Литву от татар, но и объясняет дальнейшее развитие событий в родословии.

Следующее из них (поездка русских князей в Орду) во всех редакциях датируется 6825 г., вскоре после него Гедимин становится великим князем.⁴⁴ В легенде есть стандартное упоминание, что Витень жил в Литве 30 лет, таким образом, между его бегством от татар (6801 г. — по легенде) и первым упоминанием великого князя Гедимина (6834 г. — по летописи) проходит около 30 лет. Следовательно, хронологическая канва Чудовской повести совпадает с логикой изложения и соответствует летописным записям XV в.

6830 г. как начальная дата легенды появился в Сказании, по мнению Р. П. Дмитриевой, потому, что под ним впервые в летописях упомянут тверской князь Александр Михайлович. Но смысл родословия — бегство Витеня от татар, о котором сообщается под первой датой, остается единым во всех редакциях памятника, а под 6830 г. никакого нашествия татар нигде не записано. Более того, эта дата нарушает хронологию событий Сказания, поскольку за ней идет 6825 г., и делает нелепым сообщение о тридцатилетнем княжении Витеня. Скорее ее можно объяснить ошибкой, появившейся в результате близости написания цифр 1 (А) и 30 (Л), и в первоначальном тексте Сказания, возможно, также была цифра 6801 г.

Сопоставляя разные редакции родословия литовских князей, Р. П. Дмитриева полагает, что «спиридоновская версия» их происхождения оказалась «неприемлемой для великой княгини (Елены Глинской. — М. Б.), которая была в родственной связи с литовскими князьями».⁴⁵ Эта мысль используется автором при объяснении причин составления новой редакции родословия в Воскресенской летописи и при установлении верхней даты создания Сказания — 1533 г.⁴⁶

С точки зрения генеалогии, такое положение является совершенно несостоятельным. Елена Глинская ни в каком родстве с литовскими великими князьями не состояла, Глинские имели на

⁴³ ПСРЛ, т. 25. М.—Л., 1949, с. 157.

⁴⁴ Дмитриева Р. П. Сказание..., с. 179—180, 201—202: ср. ПСРЛ, т. 25, с. 167.

⁴⁵ Дмитриева Р. П. К истории создания «Сказания о князьях владимирских». — ТОДРЛ, 1961, т. 17, с. 342. — Этот документ повторен А. Л. Гольдбергом. (К истории рассказа о потомках Августа и о дарах Мономаха. — ТОДРЛ, 1976, т. 30, с. 212).

⁴⁶ Дмитриева Р. П. Сказание..., с. 100.

Руси свою родословную легенду, и легенда Гедиминовичей их не касалась.⁴⁷ Зато при московском дворе сложилась влиятельная прослойка потомков Гедимины (Патрикеевы, Вельские, Мстиславские и др.), занимавшая высшие должности и заинтересованная в приличной легенде.⁴⁸ Для представителей этих семей было важно доказать свое родословное происхождение, уравнивавшее их положение при московском дворе с положением находившихся у власти Рюриковичей: Шуйских, Горбатовых и др. В то же время московскому правительству было важно доказать зависимость от них положение литовских князей. Этот момент Р. П. Дмитриева не учла. Она лишь использовала связь одной из редакций родословной легенды литовских князей с именем Вассиана Патрикеева для обоснования даты ее составления.⁴⁹

Работа Р. П. Дмитриевой была первой, где вскрыто значение родословных легенд как публицистических памятников своего времени. После ее публикации стало ясно, что такие произведения недостаточно изучать в отдельности; необходимо параллельное исследование одновременно созданных родословий. При этом условии удастся установить, что относится к семейным преданиям, а что является данью идеям времени.

Комплексное изучение легенд определенного хронологического отрезка и их дальнейшее сопоставление с легендами другого этапа (например, легенды книг середины XVI в.—росписей 80-х гг. XVII в.—«Общего гербовника» конца XVIII в.) не только позволят определить достоверность самих легенд, но и то, как легенда какой-либо семьи трансформировалась под влиянием традиций разных эпох. Это сравнение покажет и принципы, по которым создавались или переделывались легенды определенного времени, выявит критерии того, что в них относится к исторически возможным фактам, а что — к идейным требованиям того периода, когда эти легенды создавались.

Такое изучение родословных легенд расширит представления о социальной структуре русского дворянства, работе государственного аппарата, предоставит новый источник для исследования общественно-политических идей.

В последние годы в работах ряда историков показана связь генеалогии с другими вспомогательными историческими дисциплинами.⁵⁰

В настоящей статье хотелось бы подробнее остановиться на значении генеалогии при изучении истории летописания. Генеалогическое исследование здесь тесно переплетается с источниково-

⁴⁷ Бычкова М. Е. Родословие Глинских из Румянцевского собрания. — Зап. Отдела рукописей ГБЛ, 1977, в. 38.

⁴⁸ См. подробнее: Бычкова М. Е. Первые родословные росписи литовских князей в России. — В кн.: Общество и государство феодальной России. М., 1975, с. 133—140.

⁴⁹ Дмитриева Р. П. Сказание..., с. 80—84.

⁵⁰ Бычкова М. Е. Генеалогия в советской исторической литературе, с. 49—51.

ведческим. Можно наметить два аспекта: изучение различных, так называемых «дополнительных» статей к русским сводам XV—XVI вв., среди которых есть княжеские родословия и списки должностных лиц (митрополитов, архиепископов, посадников и т. п.),⁵¹ и изучение истории создания самих летописей.

Анализ летописных сводов позволил выделить в них генеалогические вставки, сделанные в отдельные списки в интересах некоторых семей и лиц. Начало этих исследований связано еще с именем А. А. Шахматова. Такие вставки широко использовал в своих работах по истории отдельных родов С. Б. Веселовский, который провел тщательное исследование их фактической стороны. А. Н. Насонов интересовался этим же материалом совершенно с другой целью — установить время и место, когда и где вставки были внесены в летописные своды, чтобы таким образом определить направленность сводов и их авторов. Поскольку оба историка привлекали один и тот же круг летописей, интересно сравнить их наблюдения.

В очерке о роде Басенковых С. Б. Веселовский анализирует известия Ермолинской летописи, содержащие ряд биографических сведений о Федоре Васильевиче Басенке. Он пришел к выводу, что в оценке деятельности Басенка Ермолинская летопись выгодно отличается от других сводов.⁵² В этом случае для Веселовского характерен тщательный анализ фактов, он ищет в актах подтверждения для сообщений летописи.

А. Н. Насонов, преследуя несколько иную цель — изучить историю создания Ермолинской летописи, выделил из ее текста все известия о Федоре Басенке, среди них определил уникальные, а также записи о Басенке, встречающиеся в разных сводах, но не попавшие в Ермолинскую летопись.⁵³ Это позволило ему установить источник таких биографических известий и их общую направленность в ряде летописных сводов; автор пришел к выводу, что Ермолинская летопись скорее компрометирует Федора Басенка: из общего круга биографических сведений, имеющих в разных летописях, в ней выбраны не самые яркие, а оригинальных записей немного.⁵⁴

Я. С. Лурье доказал, что биографические известия в Ермолинской летописи, связанные с именем Федора Басенка, противопоставляются аналогичным известиям о других московских воеводах. Федор Басенок пользуется сочувствием автора летописи, в то время как другие воеводы вызывают у него чувство враждебности. Это приводит Я. С. Лурье к выводу, что в основе Ер-

⁵¹ См.: Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962, с. 17—49.

⁵² Веселовский С. Б. Исследования по истории класса..., с. 438—442; см. также: Бычкова М. Е. Степан Борисович Веселовский — генеалог. — 3 кн.: История и генеалогия. М., 1977, с. 50.

⁵³ Насонов А. Н. История русского летописания XI—начала XVIII века. Очерки и исследования. М., 1969, с. 323—334, 351—353.

⁵⁴ Там же, с. 318—320 и сл.

молинской летописи «лежит свод, близкий к оппозиционному московскому боярству».⁵⁵

Еще одной генеалогической вставкой в летописи, привлекавшей внимание историков, была родословная легенда Квашниных из Новгородской IV летописи (список Дубровского). Она отличается множеством подробностей и имеет некоторые черты, связанные с местническими делами второй половины XVI в.

Говоря о происхождении этой легенды, С. Б. Веселовский, который явно был увлечен ее красочностью и большим своеобразием по сравнению с другими легендами XVI в., писал: «В родовых преданиях правда смешана, намеренно и непреднамеренно, с вымыслами, но было бы неправильно отвергнуть их целиком, как и принимать на веру, без попытки разобраться в отдельных элементах».⁵⁶ Эти принципы применял сам Веселовский при анализе генеалогических источников. Он отвергал самые фантастические сведения легенды Квашниных и среди них факт местнической борьбы в XIV в. Анализ хронологии событий, изложенных в легенде, заставляет автора передатировать и сам выезд.⁵⁷

А. Н. Насонов рассмотрел этот же текст списка Дубровского вместе с другими вставками во владычные своды о представителях рода Квашниных и пришел к выводу, что все эти записи появились в сводах, когда к новгородскому архиепископу были близки несколько лиц рода Квашниных,⁵⁸ и связаны с их литературной деятельностью.

Наблюдения А. Н. Насонова над историей летописания привели его к выводам, важным для общей истории генеалогии. Большинство летописей XV—XVI вв., имеющих родословные добавления, своим происхождением так или иначе связано с Троице-Сергиевым монастырем. Этот факт, основанный на исследовании летописного материала, позволяет раскрыть деятельность крупнейшего феодала средневековой Руси в разработке генеалогических документов.⁵⁹

Очень часто данные генеалогии привлекаются при исследовании памятников Куликовского цикла. Обилие имен в этих произведениях, их неравномерный состав в различных редакциях, возможность иногда отыскать исторические реалии — вот узловые моменты генеалогического исследования. Цели, которые преследуются в этих случаях, также самые разнообразные: датировка отдельных редакций, определение их идейной направленности, круга описанных исторически достоверных фактов и др.

⁵⁵ Лурье Я. С. Из истории русского летописания конца XV в. — ТОДРЛ, 1955, т. XI, с. 163.

⁵⁶ Веселовский С. Б. Исследования по истории класса..., с. 264—265.

⁵⁷ Там же, с. 265—266.

⁵⁸ Насонов А. Н. История русского летописания..., с. 353—358.

⁵⁹ Там же, с. 316—320, 359—360. — С. Б. Веселовский (Исследования по истории класса..., с. 22—26) связывал с деятельностью этого же монастыря составление ряда родословных памятней XV в.

Найти позитивное решение вопроса об исторических прототипах лиц, записанных в древнерусских произведениях, определить, когда и с какой целью в них включались новые «герои», — предмет специального исследования и в данной работе не ставится. Здесь лишь прослеживаются генеалогические приемы, которыми пользовались различные исследователи, анализируя памятники о Куликовской битве. Сразу надо сказать, что все упоминаемые в Задонщине лица исторически достоверны, о них есть известия в других источниках, поэтому в дальнейшем речь пойдет в основном о лицах, записанных только в Летописной повести и Сказании о Мамаевом побоище.

До последнего времени в исследованиях о «действующих лицах» разных редакций Сказания о Мамаевом побоище даже не ставился вопрос, какие транскрипции и число имен в нем первоначальные, как они изменялись в отдельных редакциях, изводах, списках. Без решения этого текстологического вопроса генеалогическое исследование чрезвычайно затруднено. Сейчас вся эта скрупулезная работа проделана В. С. Мипгалевым,⁶⁰ остальные авторы пользовались сведениями памятника, обходясь без подобного текстологического анализа.

Большую работу по идентификации лиц, упоминающихся в Сказании, и исторических лиц проделал Ю. К. Бегунов.⁶¹ В то же время автор не определил достаточно четко своих позиций в подобном исследовании. Ю. К. Бегунов присоединяется к мнению А. Вайяна, что «в „Сказании“ отразилось стремление русского дворянства XVI в. приписать своим предкам славные подвиги на поле Куликовом, подобно тому, что французская и английская знать возвеличивала своих предков, отличившихся в битве при Азепкуре».⁶² Такая постановка вопроса требует от автора определения четкой эволюции имен участников битвы, записанных в различных редакциях памятника. Подозрение в том, что памятник использовали для доказательства древности службы при Московском великокняжеском дворе, т. е. для создания родословной легенды, требует осторожного и тщательного отбора источников для сопоставления. Надо сопоставить список участников битвы Сказания с современными памятниками — летописями и синодиками, посмотреть, в каком они соотношении и как использовались «излишки» других источников в поздних редакциях Сказания. Надо проверить состав участников битвы по родословиям XVI в.

Ю. К. Бегунов, проверяя исторические реалии Сказания, привлекает без достаточного анализа все генеалогические источники, включая поздние (XIX в.) специальные исследования.

⁶⁰ Мипгалев В. С. «Сказание о Мамаевом побоище» и его источники. Дис. на соиск. ученой степени канд. истор. наук. Москва—Вильнюс, 1974.

⁶¹ Бегунов Ю. К. Об исторической основе «Сказания о Мамаевом побоище». — В кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. К вопросу о времени написания «Слова». М.—Л., 1966, с. 490—506.

⁶² Там же, с. 505.

Для ряда имен белозерских и ярославских князей, т. е. в тех случаях, когда мы имеем достаточно полные ранние родословные росписи, автор с большой убедительностью доказал, что записанные в Сказании лица вымышленные.⁶³ Все фамилии, под которыми они упомянуты, появились и существовали позднее, но реальных лиц с такими именами, какие встречаются в Сказании, не было.

Без сомнения эта точка зрения более верна, чем утверждение Л. А. Дмитриева, что упоминание в Сказании имен белозерских и ярославских князей — это отражение реальных фактов.⁶⁴

Иное дело с боярскими именами героев Сказания, часть из них исторически достоверна: Иван Родионов Квашня, Федор Сабур, лица известные по актам, родословным росписям XVI в. и другим документам. Существование других лиц подтверждается только поздними (XVII—XVIII вв.) родословными.

Ю. К. Бегунов считает поздние легенды достоверными и подтверждающими известия Сказания. Так, определяя происхождение Михаила Бренка, исторического лица, участника Куликовской битвы, Бегунов приводит легенду, по которой он был потомком «Вильгельма-Леонтия, курфюрста Люнебургского, приехавшего в Новгород в XIII в.». По легенде, сын Михаила носил прозвище Чело, так как его отец «получил в Куликовском бою смертельную рану в лоб. Он был родоначальником Челищевых».⁶⁵

С. Б. Веселовский, специально исследовавший родословие Челищевых, писал, что, «судя по всему, Бренко был худородным любимцем великого князя и ни его родители, ни потомки не входили в состав боярства. В XVII в. Челищевы, выводившие свой род ни мало ни много, как от Вильгельма Люнебургского, включили Михаила Бренко в свое генеалогическое древо».⁶⁶

Если мы обратимся непосредственно к родословной легенде Челищевых, сохранившейся лишь в рукописях XVII в., то там записано, что Федор Михайлович получил от Дмитрия Донского прозвище Чело «за то, что отец его, Михайла Андреевич Бренко, убит на Мамаеве побоище из пушки в чело под ево великого князя Дмитрия Ивановича Донскова знаменем».⁶⁷

Упоминание в легенде гибели Михаила Бренка под знаменем Дмитрия Донского, как это описано только в Сказании, говорит, что скорее оно и послужило одним из источников для авторов родословия, а фантастическая подробность о ране — «из пушки в чело» — о позднем происхождении легенды. Таким образом, легенда Челищевых подтверждает, что Сказание о Мамаевом по-

⁶³ Там же, с. 492—497.

⁶⁴ Дмитриев Л. А. О датировке «Сказания о Мамаевом побоище». — ТОДРЛ, 1954, т. X, л. 197—198. См. также: Греков И. Б. О первоначальном варианте «Сказания о Мамаевом побоище». — Сов. славяноведение, 1970, № 6, с. 30.

⁶⁵ Бегунов Ю. К. Об исторической основе..., с. 504.

⁶⁶ Веселовский С. Б. Исследования по истории класса..., с. 498.

⁶⁷ ЦГАДА, ф. 201, № 84, л. 150 об.

боище в XVII в. использовалось для удостоверения исконной службы рода московскому великому князю, но ни в коем случае не подтверждает происхождение Михаила Бренка, как считает Ю. К. Бегунов.

Совершенно аналогично обращение Ю. К. Бегунова к родословным легендам «сторожей». Он прямо пишет, что «многие из названных в „Сказании“ „сторожей“ — лица исторические»,⁶⁸ и наряду с действительно историческими лицами, как Семен Мелик, Родион Ржевский, называет Андрея Волосатого и Петра Горского, существование которых подтверждается только поздними родословными легендами. Бегунов не рассмотрел перемену имен у этих лиц в разных редакциях Сказания.⁶⁹

Что касается «сторожа» Григория Судакова, которого Ю. К. Бегунов отнес к потомкам смоленских князей, то действительно такое прозвище было у лиц одной из ветвей Монастыревых, в XVI в. выведших свой род от князей смоленских. Однако Григория Судака в их родословии нет.⁷⁰ Это тем более показательно, что во всех росписях Монастыревых, восходящих к XVI в., показан погибшим от татар Дмитрий Монастырев, убитый на Воже в 1378 г. и попавший в Летописную повесть.

Автор совершенно не сопоставил состав лиц Сказания с персонажами Задонщины. А такое сравнение убеждает, что имена, впервые записанные в Задонщине и действительно имевшие исторических прототипов, остаются неизменными во всех редакциях Сказания, а лица, появившиеся в Сказании, не только меняют свои имена и прозвища в различных редакциях, но и состав их также различен. Так, записанный в Основной редакции среди белозерских князей Михаил Семенович в Летописной и Распространенной превращается в Семена Михайловича, Андрей Кемский — соответственно в Летописной назван «кемским и андомским», а в Распространенной — «икомским». Лев Курбский превращается в Серпского, и Ю. К. Бегунов считает, что это Лев Морозов. Эти примеры можно распространить на всех героев Сказания.

В. С. Мингалев, детально проследивший изменение имен в различных группах списков всех редакций Сказаний, не сделал попытки идентифицировать их с реальными историческими лицами. Но он пришел к интересному выводу, что такие «неперсонифицированные» имена Сказания, как Сабур, Григорий Хлопищев,

⁶⁸ Бегунов Ю. К. Об исторической основе... с. 490.

⁶⁹ Повести о Куликовской битве. М., 1959, с. 50, 84, 120. — В. С. Мингалев считает одинаково возможными оба чтения — Яков Андреев сын Усатого и Яков Андреев сын Волосатого — в протографе Основной редакции (Мингалев В. С. «Сказание о Мамаевом побоище» и его источники, с. 148).

⁷⁰ Временник ОИДР, 1851, кн. X, с. 168, 262—263. — Ю. К. Бегунов (Об исторической основе... с. 490) в подтверждение своей аргументации ссылается на книгу П. Долгорукого (Российская родословная книга, ч. 4. СПб., 1857, с. 37), однако Долгорукий, взявший это имя из Сказания о Мамаевом побоище, не отнес его ни к одному из известных ему родов.

Григорий Капустин, Григорий Судаков, «читаются в летописях северного происхождения».⁷¹ Это наблюдение позволило автору достаточно убедительно определить место создания памятника.

Из такого анализа работ, где используются методы генеалогии, можно сделать некоторые выводы, относящиеся, как представляется, к развитию генеалогии в целом.

Прежде всего расширился круг источников генеалогии и усовершенствовался метод их анализа. Из наиболее существенных достижений надо отметить использование актового материала как источника непосредственных генеалогических исследований при составлении родословных таблиц, установлении родственных связей между семьями и т. д. Привлечение летописного и актового материала не только расширяет фактическую базу генеалогии, но и позволяет ставить вопрос о значении родословных документов как источника общественно-политической мысли.

В связи с этим следует осторожнее подходить к родословным показаниям, содержащимся в литературных и публицистических произведениях XVI—XVII вв. У нас сейчас нет критериев, позволяющих отнести то или иное родословное известие к категории семейного предания, легенды, памфлета или какой-либо иной; практически никогда не ставился вопрос, что в родословных росписях или генеалогических записях воспринималось современниками как компрометирующее или восхваляющее определенное лицо или семью, как достоверное или легендарное, как соответствующее традиции родословных документов той или иной эпохи. Поэтому пока мы не можем по наличию или отсутствию в литературно-публицистических источниках определенного круга сведений об отдельных лицах или семьях говорить о времени происхождения подобных произведений и их направленности. Этот вопрос нуждается в дополнительном серьезном исследовании.

Очевидно, родословные росписи могут исследоваться как памятники общественных идей. В отличие от литературно-публицистических произведений, это массовый источник, четко укладывающийся в хронологические рамки и связанный с деятельностью официальных лиц. Их использование позволит по-новому взглянуть на представления о сословности в феодальном обществе и о связи дворянства с правящим домом. В родословных легендах сочетаются семейные предания о происхождении, иногда имеющие вековые традиции, и нормы определенной эпохи, когда они окончательно оформлялись, что делает их сложным источником. Знание генеалогических традиций определенного времени позволит четче понять идейную направленность литературных произведений.

Генеалогия в системе общественно-политических идей — тема новая, к ее разработке только приступают. Но ее значение как при изучении родословных документов, так и при исследовании этих идей представляется плодотворным и перспективным.

⁷¹ Мингалев В. С. «Сказание о Мамаевом побоище» и его источники, с. 287.